

БЕГСТВО ОТ ЖИЗНИ

Упадок реализма в американском театре. • От „сегодняшнего дня“ к „истории“
• „Обращение“ О'Нейля. • На международной театральной выставке в Нью-Йорке.

В американском театре устанавливается новая мода: после смены длинных и коротких платьев, узких и широких брюк, на сцене господствуют кринолины и мантис. Вместе с бытовыми пьесами о современной жизни в театрах идут исторические и классические пьесы. Огромным успехом пользуется «Мария Шотландская» Максвелля Андерсона идущая в костюмах ренессанса, модерновская «Школа мучей» в которой зрители любят красочными одеждами эпохи Людовика XIV, и «Погоня за счастьем», в которой артисты носят костюмы конца XVIII столетия. Мода на «историю» проникла и в кино — успех «Частной жизни Генриха VIII» вызвал уже поток исторических сценариев, спешно готовящихся к постановке в студиях Голливуда.

Профессор Николай, занимающий кафедру театрального искусства в Нью-Йоркском университете, разразился по этому поводу большой статьей в театральной приложении к «Нью-Йорк Таймс». Уже самый заголовок «Упадок реализма в театре» говорит о ее характере. Публика устала от господствовавшей в течение десятилетий натуралистической пьесы и ищет других форм, заявляет Николай.

Причина, однако, лежит глубже, и ее несомненно скрывает театральный критик «Нью-Йорк Таймс». Американцам надоела собственно не натуралистическая пьеса, а современный быт, изображавшийся в реалистической драме и комедии. В исторической «костюмной» пьесе зрители отдыхают от действительности. В мантисах и кринолинах люди двигаются не так, как в пиджаках и современных платьях, они говорят не о бирже, спорте и безработице, а об «общечеловеческих» переживаниях; их язык — это не «слэнг» (американский жаргон), а

утопичная проза, богатая патетикой.

«Возрождение интереса к костюмной пьесе», пишет Николай, связано с более широким и более глубоким протестом против реалистической идеи в драме. Дело идет не только о внешних изменениях. Быть может мы устали от будничной серьезности в нашей речи, как мы устали и от актера, одетого по современному. Наша материалистическая жизнь в последнее время расстроилась и над нашей уютной цивилизацией нависло несчастье. Мы склонны обсуждать не мелкие будничные проблемы, а фундаментальные вопросы жизни и смерти.

Цитата эта говорит сама за себя. Пока капиталистическая цивилизация давала достаточный «уют» буржуазии, так называемый «средний американец» искал в театре отображения окружающей его действительности: смаковал новые холодные словечки, смеялся над злобами дня, вздыхал над переживаниями двух молодых людей, имевших несчастье влюбиться в одну и ту же мисс, сочувствовал благородным героям, которым мешало пробиться неразоблаченные в начале пьесы негодяи, и затем с облегчением вздыхал при благополучном конце мелодрамы. Но когда в будничной жизни «благополучные концы» исчезли из обихода, а злобы дня из материала для фельетонистов превратились в угрозу для «цивилизации» — обычная мешанская драма стала претить тому обывательскому месиву, из которого состоит публика американских театров. Слишком уж она была не в тон происходящим событиям. Волей-неволей театр должен был искать «новых путей». Буржуазный реализм уступил место истории и классицизму.

Американские драматурги бегут не только от реалистической драмы, но и от «американских тем» — чем дальше от действительности, тем лучше.

★

Наряду с уходом в историю наблюдается и бегство в мистику, в религию. Особенно показательна в этом отношении последняя пьеса О'Нейля «Дни без конца».

О'Нейль пользовался до сих пор в Америке славою если не самого выдающегося, то самого «революционного» драматурга. О'Нейля считали самым богоугодным писателем: «он ссорился с богом и ничем иным кроме этого не занимался» — сказал о нем один американский критик.

И вдруг О'Нейль «вернулся к богу». Его новая пьеса, идущая в «Гильд-театре» под названием «Дни без конца», — это своего рода мистерия, кончающаяся обращением неверующего. Герой Джон Ловинг расколот на два существа — Джона с добрыми задатками христианина и Ловинга, одержимого духом зла, цинизма и скепсиса. Антагонизм этих двух существ подчеркивается тем, что их играют два различных артиста. Ловинг потерял веру после того, как не были услышаны его молитвы о спасении жизни его родителей. Одерживает верх в конце концов Джон. Когда в конце он исповедуется перед распятием, Ловинг умирает и впервые Джон становится «целостным существом». Джоном Ловингом, заключительными словами которого является сенсация: «жизнь улыбается вместе с любовью».

Большинство американских критиков придает этой пьесе О'Нейля автобиографический оттенок. Но она не становится от этого более художественной. Брукс Аткинсон в

«Нью-Йорк-Таймс» говорит, что если бы пьеса эта не вышла из-под пера О'Нейля, о ней вообще не стоило бы говорить. Характеры в пьесе лишены человечности, диалог — книжный, вся вещь — снотворна. Пьеса ни в чем не убеждает, ибо несмотря на заключительные слова героя, в ней нет ни жизни, ни улыбки, ни любви.

Остается выразить лишь надежду, что последнее обращение Джо на Ловинга — это не последнее обращение О'Нейля. Ибо в противном случае надо было бы прийти к выводу, что американский театр лишается одного из своих лучших драматургов.

★

«Немногие выставки открывались с таким блеском, как выставка эскизов для театральных постановок в Музее современного искусства», — пишет художественный критик американского журнала «Литтерэри Дайджест». Выставка действительно была интересной ее организатору Ли Симонсону директору Гильд-театра, удалось собрать экспонаты со всего мира и дать представление об оформлении спектакля с XVI столетия до наших дней. Некоторые из них имеют исключительную историко-художественную ценность. Так Национальный музей в Стокгольме прислал на выставку старинные эскизы рисунков. Приматиччо для итальянской комедии масок эпохи Ренессанса и эскизы Инниго Джонса для декораций театров масок при английском дворе. Выставка дает возможность ознакомиться с историей театра как зрелища, с превращением декорации в неотъемлемую часть оформления спектакля, с борьбой между «условным» и «вещественным» оформлением, с попытками заменить декорации плоскостями, приобретающими определенную значи-

Макет художника Эсманна к пьесе Бибермана «Башня» (международная выставка в Нью-Йорке)

мость в зависимости от игры световых эффектов.

В отличие от Европы, Америка не имеет совершенно театральных музеев, исходя из псевдо-эстетического пренебрежения к художественному оформлению спектакля. Выставка наглядно опровергла это высокомерие «жрецов чистого искусства». Причем — и это надо отметить — особую роль в этом отношении играли наши советские экспонаты. «Только в Советском союзе доказано с очевидностью, что современное оформление сцены представляет собой достойный материал» — такими словами заканчивает свой обзор выставки художественный критик «Литтерэри Дайджест».

С. ГАЛПЕРИН